

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-212-224>

УДК 82.09

ББК 83.3 (4Укр)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Г.М. Лесная
г. Москва, Россия

**«ОБЩНОСТЬ ИСКАНИЙ И СХОДСТВО ЛИТЕРАТУРНОЙ СУДЬБЫ»:
В. БРЮСОВ В ВОСПРИЯТИИ УКРАИНСКИХ
ПОЭТОВ-НЕОКЛАССИКОВ**

Аннотация: Группа украинских поэтов-неоклассиков к числу своих первоочередных задач отнесла переосмысление украинской классической литературы и ознакомление широких читательских кругов с мировой литературой. Изучение и перевод произведений выдающихся авторов приобрели у них концептуальное значение. Занимаясь художественным переводом профессионально, поэты стремились разработать и общие принципы переводоведения. Валерий Брюсов был одним из кумиров неоклассиков. В 1925 г. к годовщине его смерти поэты М. Рыльский, М. Зеров и П. Филипович издали сборник стихов Брюсова в переводе на украинский язык. В качестве переводчиков они стремились достичь такого же высокого художественного уровня, как их кумир, и у них во многом это получилось. А теоретические взгляды Брюсова на перевод они анализировали, исходя из его мировоззренческих взглядов, литературоведческих статей, посвященных переводу, и многообразия сделанных им переводов художественных текстов. В статье под названием «Брюсов — переводчик латинских поэтов» (1934) поэт, литературовед и литературный критик Микола Зеров осмыслил взгляды Брюсова на перевод как реформу переводоведения, свидетельствующую «о сдвиге в теоретических воззрениях на перевод». Как и Брюсов, Зеров переводил римских поэтов и «Энеиду» Вергилия, стремясь к «углубленному постижению эпохи», что подтверждает «общность исканий и сходство литературной судьбы» этих выдающихся писателей.

Ключевые слова: В. Брюсов, украинские поэты-неоклассики, художественный перевод, теория перевода, украинская литература первой трети XX в.

Информация об авторе: Галина Мирославовна Лесная — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 76, 119454 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1501-0060>

E-mail: glesnaya@gmail.com

Дата поступления статьи: 23.06.2025

Дата одобрения рецензентами: 17.11.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Лесная Г.М. «Общность исканий и сходство литературной судьбы»: В. Брюсов в восприятии украинских поэтов-неоклассиков // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 212–224.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-212-224>

К числу раритетов мемориального кабинета Валерия Брюсова, который находится в московском Музее Серебряного века, принадлежит библиотека писателя, насчитывающая более тысячи изданий. Живший в этом доме с 1910 и вплоть до своей смерти в 1924 г. Брюсов оставил материальные свидетельства своих обширных интересов в разных областях знаний и погруженности в художественный мир многих литератур. Среди произведений русских классиков, французских символистов, армянских литераторов на полках стеллажей брюсовской библиотеки представлены книги и украинских писателей. Брюсов переводил Тараса Шевченко, Лесю Украинку, Осипа Маковея и Владимира Самийленко, а также как редактор, составитель и переводчик участвовал в подготовке к изданию «Антологии украинской литературы». В 1916 г. к такой работе в издательстве «Парус» его привлек Максим Горький.

Подробно обстоятельства деятельности писателя в качестве редактора и переводчика изучал Б.М. Сивоволов, который исследовал работу Брюсова над антологией в 1916–1917 гг. [5]. К сожалению, книга не была издана¹, но собранный Б.М. Сивоволовым большой фактографический материал дает представление как о брюсовских переводах украинских авторов [8], так и о его редакторской работе над переводами других литераторов, что нашло отражение в переписке Брюсова с К.И. Чуковским [7].

Интерес Брюсова и украинских писателей друг к другу был взаимным. В течение всего XX в. его наследие изучали и переводили прежде всего поэты, среди которых — М. Зеров, П. Филипович, М. Рыльский, О. Новицкий, В. Стус, Д. Павлычко, Б. Олійник, Р. Лубкивский, И. Драч и др.² Вместе с тем творчество Брюсова в его связях с украинской литературой, кроме Б. Сивоволова, в разное время исследовали А. Белецкий, Ю. Ивакин, Г. Кочур, А. Кулинич, Б. Цимеринов, а в настоящее время — современные литературоведы Л. Темченко, В. Моренец, Л. Демска-Будзуляк, Н. Котенко, О. Пашко и др.

Особый интерес украинских поэтов к Брюсову возник еще при жизни писателя. Его истоки поэт-неоклассик Микола Зеров увидел в глубоком восприятии украинскими авторами поэзии русского символизма. В 1920 г. в предисловии к сборнику «Новая украинская поэзия» он писал:

Русская символистская поэзия 1900-х и 1910-х гг. имела огромное значение для украинских поэтов. Она расширила их поэтическое мировоззрение, перебросила им мостики к новейшей французской и немецкой поэзии (наконец-то украинский поэт в массе своей оказался лицом к лицу с первоисточниками). Она же поставила перед авторами и высокие технические требования³ [18, с. 323].

¹ Впервые о такой деятельности Брюсова заговорили в конце 1950-х и в 1960-е гг., когда приступили к описанию большого брюсовского архива [6].

² Объемное издание поэтических текстов Брюсова в переводах украинских поэтов второй половины XX в. было опубликовано в 1973 г. [15].

³ Здесь и далее перевод с украинского языка на русский автора статьи — Г.Л.

Кто же такие неоклассики, и почему их так сильно интересовал Валерий Брюсов? Ответ на этот вопрос дают переиздания произведений этих авторов, осуществленные на рубеже XX–XXI вв., книга воспоминаний о них и их времени, составленная и опубликованная Верой Агеевой [20], а также объемная антология, подготовленная и изданная в 2015 г. Наталией Котенко [19]. Антология включает не только произведения, но и литературно-критические статьи и переписку поэтов-неоклассиков. Опубликованные материалы позволяют подойти к анализу наследия неоклассиков во всем его многообразии, а также проследить глубокие связи этих авторов с их предшественниками и современниками — представителями различных мировых культур. И Брюсову в числе этих представителей принадлежит особое место.

В настоящее время, несмотря на весомые достижения в изучении творчества неоклассиков [1, 3, 4, 9 и др.], слова М. Москаленко, сказанные о судьбе Зерова в послесловии к объемному тому его произведений, можно отнести ко всем неоклассикам: их «творческое наследие» «лишь частично освоено нашим литературоведением» [18, с. 1235].

Обычно их называют «славной пятеркой» (укр. «гроно п'ятірне»)⁴: Микола Зеров, Павло Филипович, Максим Рыльский, Михайло Драй-Хмара, Освальд Бургардт (писавший под псевдонимом Юрий Клен). К ним периодически примыкали и другие авторы, а также литературоведы, но ядро группы составляла эта «славная пятерка». Объединившись в 1918–1919 гг. вокруг журнала «Книгарь», а затем вокруг издательства «Слово», Зеров, Филипович и Рыльский позднее познакомились с Бургардтом, а в 1923 г. к ним примкнул Драй-Хмара.

Поэты, литературоведы и литературные критики, эти авторы были глубоко погружены в античную литературу, ее образы и сюжеты, а также в знаковые для них явления мировой литературы: произведения писателей эпохи барокко и французских «парнасцев», русского серебряного века и украинской классики. Они считали, что становление поэта, их современника, невозможно без изучения лучших образцов мировой литературы и переосмысления украинской классической литературы. Восприятие же и усвоение художественных традиций прошлого подразумевало высокий уровень требовательности к себе и работу над безупречной поэтической формой. Это никак не совпадало с духом их времени — установкой на пролетарскую культуру и отказ от былых авторитетов⁵.

Все они были яркими личностями. Каждый знал по несколько языков (полиглот Драй-Хмара — 19), они изучали зарубежную литературу в оригиналах, преподавали,

⁴Выражение «гроно п'ятірне» в отношении своих друзей-поэтов в 1928 г. употребил М. Драй-Хмара в сонете «Лебеди», оно стало своеобразным синонимом термина «неоклассики». «Славная пятерка» — перевод, предлагаемый автором статьи в подстрочном переводе — Г.Л.:

О гроно п'ятірне нездоланих співців,
крізь бурю й сніг гримить твій переможний спів,
що розбиває лід одчаю і зневіри [16].

(рус. О славная пятерка неодолимых певцов,
сквозь бурю и снег гремит твое победное пение,
ломающее лед отчаяния и неверия.)

⁵ М. Зеров кратко изложил историю формирования эстетических установок группы в своей известной статье «Наши литературоведы и полемисты» (1926), написанной в ответ на критику в адрес неоклассиков [18, с. 539–541].

выступали с докладами. На одном из таких выступлений, представляя поэтов, их случайно назвали «неоклассиками». Сами они не очень поддерживали это название, писали его в кавычках, но оно осталось с ними навсегда⁶.

Общей программы у неоклассиков не было. Существуют разные суждения о том, была ли эта «славная пятерка» литературной группой, объединенной общими идеями и установками. С точки зрения Ю. Шереха, «“славная пятерка” так и не стала общей монолитной, консолидированной школой и осталась лишь кружком приятелей, объединенных выдающейся индивидуальностью своего метра» [10, с. 123] (имеется в виду Микола Зеров).

В статье «Наши литературоведы и полемисты» Зеров объяснял, «почему неоклассики не писали своего манифеста (не организовывались и не распадались)», подобно другим литературным группам, которых в украинской литературе 1920-х гг. было множество:

...Предоставляя пространство друг другу, они никогда не прочерчивали общего для всех формата; переводили как «железные сонеты» немецкой рабочей поэзии, так и древних римлян, и польских романтиков, и французских унаимистов. Гекзаметр и октавы, четырехстопный ямб и свободный стих — все равно [18, с. 541].

Тем не менее можно считать, что у неоклассиков был лозунг, выражавший их единство. Это латинское заглавие книги литературно-критических статей Зерова “*Ad Fontes!*” (рус. «Кисточникам!»)⁷, 1926), в предисловии к которой автор писал о неотложной для представителей украинской литературы задаче: «“повысить свою квалификацию” и стать лицом к лицу с самыми высокими достижениями и первоисточниками подлинно культурного творчества» [17, с. 492].

Поскольку к числу своих первоочередных задач неоклассики отнесли переосмысление украинской классической литературы и ознакомление широких читательских кругов с мировой литературой, в их литературоведческих исследованиях по-новому прочитано наследие многих украинских классиков. Ими была проведена большая текстологическая и исследовательская работа по подготовке к изданию произведений Леси Украинки, которые в 1920-е гг. были впервые опубликованы в виде двух собраний сочинений, с комментариями и вступительными статьями. По сути, для широких читательских кругов неоклассики и близкие к ним литературоведы стали первооткрывателями наследия Леси Украинки (см.: [2]).

А изучение и перевод произведений выдающихся авторов мировой литературы приобрели у неоклассиков концептуальное значение. Занимаясь художественным переводом профессионально, поэты стремились разработать и общие принципы переводоведения. Валерий Брюсов, наряду с Бодлером и Верленом, Лесей Украинкой, Иваном Франко и Тарасом Шевченко, принадлежал к кумирам неоклассиков.

В 1925 г., в годовщину смерти В. Брюсова⁸, неоклассики издали сборник его стихов в переводах М. Рыльского, М. Зерова и П. Филиповича под редакцией

⁶ В своих «Воспоминаниях о неоклассиках» (1947) об этом писал Юрий Клен: «Во время нашего пребывания в Барышевке Зеров ездил как-то в Киев, где состоялся литературный вечер, в котором приняли участие — он, Филипович и Рыльский. Как бы случайно брошено было об этих поэтах слово “неоклассики”, они не отвергли его, и это название прикипело к ним» [21, с. 13].

⁷ Украинский вариант названия этой книги — «До джерел!».

⁸ О. Пашко убедительно опровергает версию о том, что сборник был подготовлен в 1923 г. к 50-летию со дня рождения Брюсова, а опубликован только в 1925 г., и документально подтверждает свою гипотезу об издании сборника к годовщине смерти поэта [4].

Б. Якубского [14]. Кроме переводов, в нем размещены статьи редактора и Ю. Каменева (ранний вариант псевдонима Льва Каменева) о поэте, занимающие две трети издания. Ценен же сборник именно переводами опубликованных в нем 40 брюсовских стихотворений. Выбор текстов для перевода показывает, что составители, хоть и кратко, стремились представить читателю все многообразие поэзии Брюсова. Свои переводы стихов Брюсова эти авторы активно издавали и до, и после выхода сборника, а также продолжали переводить поэта, тем самым способствуя популяризации его творчества.

На это издание сразу обратили внимание читатели и литературоведы, которые в первую очередь спорили об уместности помещения в сборнике старой статьи Л. Каменева «О ласковом старике и о Валерии Брюсове», изданной в 1908 г. в Санкт-Петербурге в «Литературном распаде», а также о категоричности утверждений Б. Якубского «о влиянии Брюсова как на украинский символизм, так и на современную украинскую поэзию вообще» [4, с. 68]. Однако высокий уровень осуществленных переводов ни у кого не вызывал сомнений (см.: [24, с. 444]).

Из стихотворений Брюсова, помещенных в сборник, 14 были переведены М. Зеровым, 13 — М. Рыльским и 13 — П. Филиповичем. Переводы осуществлялись из всех сборников стихов Брюсова, опубликованных до начала работы над ними: “Chefs d’oeuvre” (1895, 1896), “Me eum esse” (1897), “Tertia Vigilia” (1900), “Urbi et Orbi” (1903), “Stephanos” («Венок») (1906), «Все напевы» (1909), «Зеркало теней» (1912), «Семь цветов радуги» (1916), «В такие дни» (1921), «Последние мечты» (1920), «Миг» (1922), «Дали» (1922), «Меа» (1924).

Брюсов был не единственным автором, произведения которого переводились каждым из этих поэтов. Из французской поэзии ими переведены: Ш. Бодлер, П. Верлен, С. Малларме, А. Сюлли-Прюдом и другие парнасцы. Неоклассики пережили такое же восхищение французской поэзией, какое в начале творческого пути пережил их кумир Валерий Брюсов, который не только переводил французских поэтов, но и признавал их глубокое влияние на свое творчество. Сам он так писал об этом:

Знакомство в начале 90-х годов с поэзией Верлена и Малларме, а вскоре и Бодлера, открыло мне новый мир. Под впечатлением их творчества созданы те мои стихи, которые впервые появились в печати [11, с. 16].

Почему же Валерий Брюсов так интересовал поэтов-неоклассиков?

Как представляется, здесь определяющими стали две взаимосвязанные черты его творчества. В дневнике от 22 марта 1893 г. Брюсов писал о том, что нельзя «на языке Пушкина выразить ощущения *Fin de siècle!*» [11, с. 29]. А в предисловии к сборнику “Chefs d’oeuvre” (1895) он утверждал: «эволюция новой поэзии есть постепенное освобождение субъективизма» [13, с. 47]. Такой подход к художественному творчеству привлекал неоклассиков, которые в своих собственных произведениях стремились передать дух нового времени, ориентируясь на новаторство Брюсова. Его сущность Зеров, анализируя сборник стихов Рыльского «Під осінніми зорями» (1918), определил так: «Русские символисты соединили новое, отчасти заимствованное за рубежом содержание с качественной и совершенной формой» [18, с. 263]. Позднее сам Рыльский в своих воспоминаниях (1946) признавал это влияние: «В литературе я в течение определенного времени восхищался французскими и русскими символистами...» [22, с. 41]. Пытаясь передать мироощущение Брюсова на языке нового времени, эти поэты в качестве переводчиков стремились достичь такого же высокого художественного уровня, как их кумир, и у них во многом это получилось.

При общей установке делать переводы из сборников разных лет у каждого из авторов были свои предпочтения. Павла Филиповича, который, как Зеров и Рыльский, отдал дань современной проблематике, привлекла прежде всего тема поэта и поэзии (стихи Брюсова «Кинжал», «Служителю муз») и очень важная для него самого тема города (сборники стихов Филиповича «Земля і вітер», 1922 и «Простір», 1925).

В этом отношении показателен перевод Филиповичем брюсовского стихотворения «Городу» (1907) из сборника стихов «Все напевы». Для перевода заглавия поэт выбрал не современную лексему *місто*, а старинное название — «До города». Далее, в тексте самого перевода и повторяющийся сонорный *р*, который есть в заглавии, и нагромождение согласных звуков, в т.ч. шипящих, передают атмосферу гнетущего настроения и угрозы, характерную для оригинала:

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен [12, с. 514].

Пануючи над низькодолом,
Ти в небо звів списи вогнів,
Обгородившись частоколом
З стрімких фабричних димарів [23, с. 152].

Филипович не приводит подзаголовок Брюсовского стихотворения — «Дифирамб». Однако он мастерски передает дух произведения, отражающего сарказм автора в восприятии технократического образа города — блестящего, внешне благополучного, но коварного и опасного для человека:

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;
.....
Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам подымаешь над собой [12, с. 514–515].

Ти хитромудрими руками
Палаці збудувати зміг,
Це ти призначив пишні храми
Для статуй, для жінок, для книг.
.....
Ти гнеш рабів понурих спини,
Щоб легко у безсонну рань
Із ротаційної машини
Злітали задуми повстань.

Твій звір зрадливий, змію лютий!
 Назустріч шалові й вітрам
 Ти ніж, смертельний від отрути,
 Заносиш над собою сам [23, с. 152–153].

Яркие брюсовские образы (город — *стальной, кирпичный и стеклянный*, а дракон — *хищный и бескрылый*) воссозданы Филиповичем в соответствии с оригиналом (город — *шкляний, чугунний і цегляний*, а дракон — *хижий і безкрилий*). Отождествление города с драконом передано также благодаря сочетанию согласных звуков, они производят впечатление стука и шипения. А по ритму стихотворение напоминает марш, нервные звуки которого действуют на человека угнетающе. Полностью соответствуя брюсовскому замыслу, Филипович передал и форму стихотворения, написанного четырёхстопным ямбом.

Вдова Брюсова Иоанна Матвеевна, в течение многих лет занимавшаяся архивом мужа и подготовкой к изданию его произведений, высоко оценила украинский сборник переводов писателя. А. Соболев приводит письмо П. Филиповича к ней от 30 сентября 1932 г.:

Мне дорога память о Валерии Яковлевиче, которого я всегда считал своим учителем в области поэзии и которого один раз — перед войной еще — видел и слышал в Москве. Мои украинские переводы стихов В.Я., так лестно для меня отмеченные в Вашей надписи на книге, — знак моего давнего восхищения и неизменной признательности. Вместе с моими друзьями — Н.К. Зеровым и М.Т. Рыльским, я работал тогда (1924 г.) над книгой переводов из Брюсова с увлечением⁹.

У неоклассиков были планы переиздать сборник переводов Брюсова к 10-й годовщине его смерти, о чем М. Зеров сообщал в письме начала 1933 г. к литературоведу, писателю и переводчику Игорю Поступальскому:

Кое-что постараюсь перевести непременно, научные стихи все еще понимаю слабо — но переводить буду и их. Вообще к десятой годовщине смерти постараюсь сделать несколько новых переводов в надежде, что Харьков, ЛМ¹⁰ раскачаются и согласятся переиздать в обновленном виде сборник 1925 г. [18, с. 1063].

В письме поэт благодарит Поступальского за присланное издание брюсовских произведений (самим же Поступальским составленное), что свидетельствует о новом интересе Зерова к Брюсову:

Я опять начинаю чувствовать прежнюю симпатию к Брюсову <...>. Ваша эклога (т. е. выборка) возвратила мне Брюсова полностью. С удовольствием перечитал «Армянам», «В горнем свете», «Тусклую картинку». Из новых для меня текстов нравится «При электричестве», «Труд», «Когда стоишь ты в звездном свете», «Я вырастал в глухое время», «Утро в ночи». Последние четыре очень искренни и лиричны — мне кажется, в них наиболее адекватно передано жизнеощущение Брюсова в последние его годы [18, с. 1063].

В этом письме виден интерес Зерова и к Брюсову-переводчику:

⁹ Соболев А. Стихи филологов. 3. Павел Филиппович // ЖЖ. URL: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/162174.html> (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁰ Издательство «Література і Мистецтво» (рус. «Литература и Искусство»).

Имеете ли Вы «Брюсовский сборник» 1907 года с переводами из Клавдиана, Авзония, Луперка и др.? Можно ли его достать и сделать выписки в Москве? Тема «Брюсов, переводчик латинских поэтов», меня интересует по-прежнему [18, с. 1064].

Обращение Зерова к этой теме не было случайным, он сам в течение всей жизни интересовался античной культурой и переводил латинских поэтов: в 1920 г. был опубликован сборник переводов Зерова «Антология римской поэзии» (укр. «Антологія римської поезії»). Ю. Клен в своих воспоминаниях о неоклассиках писал:

Зеров, в частности, учился не только у парнасцев, но еще и у античных поэтов, греков и по преимуществу римлян. Я всегда заставлял его за переводами Вергилия, Горация, Марциала и других, все поэты обучались языку у Зерова. Богатство его речи было исключительным. <...> Он был человеком, удивлявшим своей глубочайшей памятью, потому что он мог цитировать целые страницы не только из украинских писателей, но также из Пушкина и античных авторов [21, с. 24].

После окончания историко-филологического факультета Императорского Киевского университета Святого Владимира (1914) Микола Зеров в течение нескольких лет преподавал историю, затем украиноведение и латынь. Интерес к античной культуре у него, как и у Брюсова, возник еще в гимназические годы и со временем перерос в одно из направлений его профессиональной деятельности. Как и Брюсов, Зеров еще в гимназии был «отравлен» «историческими панорамами и стилистической изысканностью “Энеиды” Вергилия» [18, с. 1028], работе над переводом которой он посвятил многие годы своей жизни¹¹.

В кругу литературоведческих интересов Зерова была и «Энеида» И.П. Котляревского (три части изданы в 1798 г., полностью опубликована в 1842 г.). Поэма-бурлеск, стоящая у истоков новой украинской литературы, была написана Котляревским по сюжету эпоса римского автора и стала знаковым произведением украинской литературы. В учебнике «Новая украинская литература» (укр. «Нове українське письменство», 1924), который сам Зеров назвал «очерком», «рассчитанным на широкого читателя» [18, с. 6], он посвятил «Энеиде» Котляревского едва ли не треть первого тома. Зеров не только подробно проанализировал «Энеиду», но и представил ее в масштабном историческом и литературном контексте, детально описав предшественников, современников и последователей Котляревского. Отсюда понятен интерес Зерова к Брюсову в это время не только как переводчику вообще, но к Брюсову как переводчику латинских поэтов.

Новый сборник переводов Брюсова на украинский язык не был издан, а в 1934 г., после того как годом ранее в издательстве «Academia» был опубликован брюсовский перевод «Энеиды» Вергилия¹², Зеров написал статью «Брюсов — переводчик латинских поэтов»¹³. Как свойственно большинству литературоведческих статей Зерова, эта не очень большая работа поражает широтой охвата исследуемого им материала и четкостью выраженных в ней мыслей.

В статье «Брюсов — переводчик латинских поэтов» Зеров дает краткую характеристику Брюсова как талантливого писателя и разносторонней личности, подчеркивая его интерес к римскому миру и его культуре, который он пронес через всю

¹¹ Этот глубокий интерес виден в статье Зерова «“Энеида” Вергилия» (1919) [18, с. 307–314].

¹² Брюсов не успел завершить работу над полным переводом «Энеиды», он обрывается на VII песне.

¹³ Статья написана на русском языке.

свою жизнь, воплотив его в переводах и собственном творчестве. Это нашло отражение в многогранной деятельности Брюсова: в его научных статьях и работе преподавателя, читавшего курсы по римской литературе, римский мир также «питал замыслы» «Атаря победы» и «Юпитера поверженного» Брюсова-писателя. А «“властитель стихов” Вергилий и “поздние” поэты II–IV веков были предметом его многолетней и взыскательной работы переводчика» [18, с. 1028].

По мнению Зерова, латинские поэты привлекали Брюсова не только «общностью исканий и сходством литературной судьбы» (здесь он цитирует высказывание о Брюсове профессора А.И. Малеина) [18, с. 1029]. Гораздо важнее то, что Брюсов «любил следить за “железными шагами истории”»; его внимание захватывали эпохи смещения больших исторических пластов жизни. Заинтересовавшись “последними временами язычества”, поразившись жизненной их напряженностью, он стал искать отражения эпохи у поэтов-современников и нашел в них, вопреки академическим авторитетам, и “духа мощного господство, и утонченной жизни цвет”» [18, с. 1029].

Зеров сожалеет, что важные идеи Брюсова по теории перевода, дважды сформулированные и опубликованные им в журнале «Гермес» (1913, № 6; 1914, № 9)¹⁴, так и не были замечены современниками писателя. Между тем, с точки зрения Зерова, концепция перевода, сформулированная Брюсовым в этих публикациях, была новаторской и опередила свое время:

...Эти принципы, с их резким протестом против сглаживания характерных особенностей оригинала, непривычных в языковой среде перевода, свидетельствовали о *сдвиге в теоретических воззрениях на перевод*¹⁵. Обе брюсовские заметки были выражением определенного тяготения переводчика к наибольшей объективности, они подчеркивали познавательную функцию перевода [18, с. 1030–1031].

Брюсов-переводчик смог противостоять переводчикам-любителям благодаря высокому уровню проделанной им работы и потому, что «иногда и сам комментировал переводимые тексты, подчеркивал стилистические ходы образцов, заставляя читателей вникать в словесное искусство пренебреженных школьной традицией авторов» [18, с. 1029]. По мнению Зерова, повышение художественных требований к переводам из древних в этот период было в значительной степени результатом такой работы Брюсова.

Большая часть статьи посвящена анализу брюсовского перевода «Энеиды» Вергилия, — как считает Зеров, «одной из самых значительных страниц перевода в истории русского стихотворного перевода вообще» [18, с. 1030]. Он останавливается на основных принципах, которым по Брюсову должна соответствовать «русская Энеида». Для того, чтобы она состоялась, «надлежит воссоздать в переводе “все мастерство художественной речи поэмы”»: сохранить «лирический рельеф» Вергилия, необычайную смелость его словаря, совмещающую архаизмы и неологизмы; соблюсти особенности поэтического синтаксиса оригинала; максимально передать всю его богатую тропику; «уловить и воссоздать не всегда легко обнаруживаемую его эвфонию»; «все греческие имена собственные» «дать в их латинской форме» [18, с. 1030].

¹⁴ Журнал «Гермес» — первое в России научно-популярное периодическое издание, посвященное культуре Древнего мира (1907–1918). Среди авторов журнала были известные исследователи древних языков и писатели, а его издателем и редактором был профессор Санкт-Петербургского университета Александр Иустинovich Малеин (1869–1938).

¹⁵ Здесь и далее полужирным шрифтом выделено автором статьи — Г.Л.

С точки зрения Зерова, «собственные достижения Брюсова в его передаче “Энеиды” несомненны и велики, даже если судить по всей строгости поставленных им самим требований» [18, с. 1031]. И поскольку предшественники Брюсова в основном приближались к типу перевода-пересказа, большим успехом брюсовского перевода было его соответствие «часто несовместимым требованиям — “точной” передачи “содержания” и звуковой “формы”» [18, с. 1031]. Но «теоретическая продуманность принципов» и «художественные достоинства» не исчерпывают новаторский подход Брюсова к художественному переводу. Не менее важно отношение писателя к переводимому им тексту. Зеров подчеркивает:

Не случайно Брюсову наиболее удалось в «Энеиде» широкие культурные и политические ландшафты, на которые так щедр Вергилий. В «Энеиде», как и в переводе поэтов II–IV веков, Брюсов стремится к *углубленному постижению эпохи через точное, до мелочей воссоздание ее общекультурного и поэтического стиля* [18, с. 1032].

Обстоятельный анализ теоретических взглядов Брюсова на принципы перевода, проведенный Зеровым в этой статье, и его характеристика достоинств брюсовских переводов свидетельствуют о глубоко продуманных самим Зеровым принципах перевода художественного текста. Описанную специфику переводческого процесса и его результатов Зеров считал необходимым условием развития украинской литературы:

У нас, на наших литературных задворках, при почти полной *необработанности* поэтического языка, стиль римских мастеров может иметь большое значение... Работа над произведениями римских классиков и французских парнасцев может нам весьма пригодиться, поскольку обратит наше внимание на *художественно обработанный*, богатый язык¹⁶ [18, с. 1242–1243].

Такой подход к переводу, который обогащает и развивает язык и ведет к созданию подлинно художественных явлений культуры, был характерен для всех неоклассиков. Именно ему они учились у Брюсова. Микола Зеров, а в дальнейшем и Максим Рыльский, были не просто выдающимися переводчиками, но и теоретиками переводоведения¹⁷. В своем творчестве они прошли большой путь, который во многом связывает их с Валерием Брюсовым — «общностью исканий и сходством литературной судьбы» [18, с. 1029]. Высота талантов, многогранность литературной деятельности этих выдающихся писателей привели к созданию не только их собственных оригинальных произведений, но и высокохудожественных переводов, ставших значимыми явлениями мировой культуры, а их работа над принципами перевода повлияла на становление переводоведения как науки.

Список литературы

Исследования

- 1 Демська-Будзуляк Л. Українське літературознавство від ідеї до тексту: неокласичний дискурс. Київ: Смолоскип, 2019. 600 с.

¹⁶ Выделено курсивом Зеровым.

¹⁷ Будучи переводчиком на украинский язык таких значительных произведений, как «Евгений Онегин» и «Медный всадник» А. Пушкина, «Пан Тадеуш» А. Мицкевича, «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, «Король Лир» и «Двенадцатая ночь» У. Шекспира и мн. др., в своих теоретических работах по переводу Рыльский особое внимание уделял специфике перевода с близкородственных языков («Художественный перевод с одного славянского языка на другой», 1958; «Проблемы художественного перевода», 1962).

- 2 *Лесная Г.М.* «Общество не заметило ее, прошло мимо»: из истории изучения «экзотических» сюжетов в творчестве Леси Украинки // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 4. С. 232–253.
- 3 *Моренець В.* Національні шляхи поетичного модерну першої половини ХХ ст.: Україна і Польща. Київ: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. 327 с.
- 4 *Пашко О.В.* До історії створення збірки перекладів В. Брюсова українською (1925) // *Магістеріум*. 2017. Вип. 69: Літературознавчі студії. С. 67–78.
- 5 *Сивоволов Б.М.* Брюсов — редактор и переводчик украинской литературы // Брюсовские чтения 1966 года. Ереванский государственный педагогический институт им. В.Я. Брюсова. Ереван: Изд-во «Айастан», 1968. С. 415–429.
- 6 *Сивоволов Б.М.* В.Я. Брюсов — співредактор Антології української літератури // *Радянське літературознавство*. 1965. № 8. С. 71–73.
- 7 *Сивоволов Б.М.* Из переписки К.И. Чуковского с В.Я. Брюсовым // *Вопросы русской литературы*. 1974. Вип. 2 (24). С. 84–87.
- 8 *Сивоволов Б.М.* Работа В. Брюсова над переводами Т.Г. Шевченко // *Вопросы русской литературы*. 1966. Вип. 1. С. 61–66.
- 9 *Темченко Л.В.* Український неокласицизм 20-х рр. ХХ ст.: генезис, естетика, поетика: автореф. дис... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1997. 21 с.
- 10 *Шерех Ю.* Легенда про український неокласицизм // *Шерех Ю.* Пороги і Запоріжжя: Література. Мистецтво. Ідеології: у 3 т. Харків: Фоліо, 1998. Т. 1. С. 92–139.

Источники

- 11 *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002. 415 с.
- 12 *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: в семи томах. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1. 672 с.
- 13 *Брюсов В.Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
- 14 *Валерій Брюсов.* 1873–1924 / за ред. Б. Якубського; пер. М. Зерова, М. Рильського, П. Филиповича. [Харків]: ДВУ, 1925. 163 с.
- 15 *Валерій Брюсов.* Вибрані поезії / пер. з рос. Київ: Дніпро, 1973. 263 с.
- 16 *Драй-Хмара М.* Лебеді // *Літературний ярмарок* (Харків). 1928. Кн. 1 (131). С. 113.
- 17 *Зеров М.* До джерел. Літературно-критичні статті // *Зеров М.* Твори в двох томах. Київ: Дніпро, 1990. Т. 2. С. 492–588.
- 18 *Зеров М.* Українське письменство / упоряд. М. Сулима. Київ: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2002. 1301 с.
- 19 *Київські неокласики: антологія: [1910–1930-ті: поезія, проза, критика, спогади] / упоряд. Наталія Котенко.* Київ: Смолоскип, 2015. 915 с.
- 20 *Київські неокласики. Українські мемуари / упоряд. В. Агєєва.* Київ: Факт, 2003. 352 с.
- 21 *Клен Ю.* Спогади про неокласиків. Мюнхен: Золота брама. Накладом української видавничої спілки в Мюнхені, 1947. 48 с.
- 22 *Рильський М.Т.* Зібрання творів: у 20 т. Київ: Наукова думка, 1983. Т. 19. 704 с.
- 23 *Филипович П.П.* Поезії. (Бібліотека поета). Київ: Радянський письменник, 1989. 196 с.
- 24 *«Хотінъ безсенсовних отрута»:* 20 російських поетів «срібного віку» в українських перекладах / упоряд. М. Стріха. Київ: Факт, 2007. 584 с.

© 2025. Galina M. Lesnaya
Moscow, Russia

**“THE COMMONALITY OF SEARCH AND THE SIMILARITY OF LITERARY
FATE”:**

V. BRYUSOV IN PERCEPTIONS OF UKRAINIAN NEOCLASSICAL POETS

Abstract: A group of Ukrainian neoclassical poets identified the reinterpretation of Ukrainian classical literature and familiarization with world literature among their priorities. The study and translation of the works of outstanding authors acquired conceptual significance for them. While professionally engaged in artistic translation, the poets sought to develop general principles of translation studies. Valery Bryusov was one of the cult figures of neoclassicists. In 1925, for the anniversary of his death, the poet M. Rylsky, M. Zerov and P. Fylypovych published a collection of Bryusov's poems translated into Ukrainian. As translators, they aspired to achieve the same high artistic level as their icon, and they succeeded in many ways. They analyzed Bryusov's theoretical views on translation based on his worldview, literary articles on translation, and a variety of literary translations he made. In the article entitled “Bryusov — translator of Latin poets” (1934), poet and literary critic Mykola Zerov interpreted Bryusov's views on translation as a reform of translation studies, indicating “a shift in theoretical views on translation”. Like Bryusov, Zerov translated Roman poets and Virgil's Aeneid, striving for a “deep understanding of the era”, which confirms the “commonality of searches and the similarity of literary fate” of these outstanding writers.

Keywords: V. Bryusov, Ukrainian Neoclassical Poets, Artistic Translation, Theory of Translation, Ukrainian Literature of the First Third of the 20th Century.

Information about the author: Galina M. Lesnaya — PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Prospect Vernadskogo Ave, 76, 119454 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1501-0060>

E-mail: glesnaya@gmail.com

Received: June 23, 2025

Approved after reviewing: November 17, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Lesnaya, G.M. ““The Commonality of Search and the Similarity of Literary Fate”: V. Bryusov in the Perception of Ukrainian Neoclassical Poets”.

Vestnik slavianskikh kul'tur, vol. 78, 2025, pp. 212–224. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-212-224>

References

- 1 Dems'ka-Budzuliak, L. *Ukrains'ke literaturoznavstvo vid idei do tekstu: neoklasichnii diskurs* [Ukrainian Literary Studies from Idea to Text: Neoclassical Discourse]. Kyiv, Smoloskip Publ., 2019. 600 p. (In Ukrainian)

- 2 Lesnaia, G.M. ““Obshchestvo ne zametilo ee, proshlo mimo”: iz istorii izucheniia ‘ekzoticheskikh’ siuzhetov v tvorchestve Lesi Ukrainki” [““Society Did not Notice Her, Just Passed By”: on the History of the Study of ‘Exotic’ Subjects in the Works of Lesya Ukrainka”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 232–253. (In Russ.)
- 3 Morenets', V. *Natsional'ni shliakhi poetichnogo modernu pershoi polovini XX st.: Ukraïna i Pol'shcha* [National Ways of Poetic Modernity of the First Half of the 20th Century: Ukraine and Poland]. Kyiv, Vidavnistvo Solomiï Pavlichko “Osnovi” Publ., 2001. 327 p. (In Ukrainian)
- 4 Pashko, O.V. “Do istorii stvorennia zbirk perekladiv V. Briusova ukraïns'koiu (1925)” [“On the History of Creation of a Collection of Translations by V. Bryusov into Ukrainian (1925)”]. *Magisterium*, vol. 69: Literaturoznavchi studii [Literary Studies], 2017, pp. 67–78. (In Ukrainian)
- 5 Sivovolov, B.M. “Briusov — redaktor i perevodchik ukraïnskoi literatury” [“Bryusov — an Editor and Translator of Ukrainian Literature”]. *Briusovskie chteniia 1966 goda. Erevanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. V.Ia. Briusova* [The Bryusov Readings of 1966. V.Y. Bryusov Yerevan State Pedagogical Institute]. Yerevan, Aiastan Publ., 1968, pp. 415–429. (In Russ.)
- 6 Sivovolov, B.M. “V.Ia. Briusov — spivredaktor Antologii ukraïns'koï literaturi” [“V. Ya. Bryusov — Co-editor of the Anthology of Ukrainian Literature”]. *Radians'ke literaturoznavstvo*, no. 8, 1965, pp. 71–73. (In Ukrainian)
- 7 Sivovolov, B.M. “Iz perepiski K.I. Chukovskogo s V.Ia. Briusovym” [“From K.I. Chukovsky's Correspondence with V.Ya. Bryusov”]. *Voprosy russkoi literatury*, no. 2 (24), 1974, pp. 84–87. (In Russ.)
- 8 Sivovolov, B.M. “Rabota V. Briusova nad perevodami T.G. Shevchenko” [“V. Bryusov's Work on T.G. Shevchenko's Translations”]. *Voprosy russkoi literatury*, no. 1, 1966, pp. 61–66. (In Russ.)
- 9 Temchenko, L.V. *Ukraïns'kii neoklasitsizm 20-kh rr. XX st.: genezis, estetika, poetika* [Ukrainian Neoclassicism of the 20s of the 20th Century: Genesis, Aesthetics, Poetics: PhD Thesis, Summary]. Dnipropetrovs'k, 1997. 21 p. (In Ukrainian)
- 10 Sherekh, Iu. “Legenda pro ukraïns'kii neoklasitsizm” [“The Legend of Ukrainian Neoclassicism”]. *Sherekh Iu. Porogi i Zaporizhzhia: Literatura. Mistetstvo. Ideologii: v 3 t.* [Rapids and Zaporozhye: Literature. Art. Ideologies: in 3 vols.], vol. 1. Kharkiv, Folio Publ., 1998, pp. 92–139. (In Ukrainian)